

Вот, например, как проходило в 1900 г. распределение квартиры, освободившейся после смерти Васильева. Правление в первую очередь предложило ее больному академику Коржинскому, имевшему очень неудобную квартиру, но он от перемены отказался. Тогда квартира была предложена академику Шахматову, как директору Библиотеки. Но он, узнав, что право на квартиру имеет еще Фаминцын, как заведующий Ботанической лабораторией, заявил, что возьмет квартиру только в том случае, если от нее откажется старший конкурент. Фаминцын не отказался, и поэтому квартира была утверждена за ним²⁹⁵. Шахматов остался в своей квартире на втором этаже главного здания²⁹⁶.

Императорская Академия наук и политическая жизнь страны

Университетский вопрос

Императорская Академия наук до конца XIX в. была известна своим лояльным отношением к правительству. Однако на рубеже XIX–XX вв. положение изменилось: в Академии росли либерально-оппозиционные настроения, в первую очередь благодаря тем ее членам, которые были тесно связаны с университетами и не могли остаться в стороне от происходивших там событий. Выступления студентов на рубеже веков стали обычным явлением русской жизни²⁹⁷.

В начале 1901 г. в Петербурге и Киеве усилились студенческие волнения, в результате которых 183 студента были отданы в солдаты. В знак протеста против этой жестокой меры в Петербурге у Казанского собора состоялась общая студенческая демонстрация. Брутальный разгон этой демонстрации вызвал студенческие забастовки, нормальный ход учебных занятий в университете совершенно расстроился. Академики Бекетов и Шахматов подписались под запиской 99 деятелей просвещения, науки и литературы. Министр внутренних дел Д. П. Сипягин потребовал от пре-

---

²⁹⁵ Там же. Д. 17. Л. 94 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 2.10.1900.

²⁹⁶ После смерти Шахматова в 1920 г. две комнаты его бывшей квартиры заняло Рукописное отделение Пушкинского дома.

²⁹⁷ О студенческом движении в начале XX в. см.: *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России. М., 1971; *Ганелин Г. Ш.* Петербургский университет и правительственная политика (Из истории студенческого движения) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1989. Вып. 6. С. 120–135; *Иванов А. Е.* Высшая школа в России в конце XIX — начале XX веков. М., 1991.

зидента Академии наук дать им немедленную отставку, но Константин Константинович ограничился выговором и весьма неприятными для него личными объяснениями с 75-летним Бекетовым, который наотрез отказался давать письменные объяснения.

24 марта 1901 г. министром народного просвещения стал генерал П. С. Ванновский, расследовавший причины студенческих беспорядков в 1899 г. (его предшественник Н. П. Боголепов был смертельно ранен 2 марта 1901 г.). Ванновский сделал попытку ввести кое-какие реформы, допустив институт студенческих старост и разрешив проведение курсовых и факультетских студенческих сходок, но при условии обязательного присутствия на них профессоров. Общеуниверситетские сходки по-прежнему не разрешались. Однако попытка Ванновского легализовать студенческие организации и тем самым поставить под наблюдение и ввести в определенные рамки общественную активность студентов вызвала целую бурю протеста, сопровождавшуюся забастовками и обструкциями²⁹⁸.

В начале апреля 1901 г., в преддверии весенних экзаменов, студенты Петербургского университета выдвинули требования возвращения всех студентов, исключенных, высланных и сданных в солдаты, формальную отмену «временных правил», предание суду всех виновников побоища при Казанском соборе, кто бы они ни были, и, наконец, отсрочку всех экзаменов до осени. Депутаты сходки явились к министру, чтобы «предложить» ему эти меры, будто бы он, сперва сделав им строгое внушение за то, что они осмеливаются что-то предлагать власти, которой обязаны повиноваться, и объявив, что постановлений их сходки исполнять не желает и не может, под конец разговора так смягчился и умилился, что, отпуская их, перекрестил²⁹⁹.

Требование о переносе экзаменов удовлетворено не было, по приказанию Ванновского ректор объявил студентам, что они должны экзаменоваться весной. В день начала экзаменов министр первый раз посетил университет. Рассказывали, что, когда он вошел в университетский коридор, первый встретившийся ему студент слегка кивнул ему головой; генерал дружески взял молодого человека за плечи и показал, как следует кланяться. Выстроившиеся далее по коридору человек тридцать студентов уже с полной почтительностью приветствовали министра. Он сказал им: «Господа, уважаю мужество, с которым вы явились к исполнению ваших

---

²⁹⁸ Подробнее см.: Ленинградский университет. 1819–1944 / Отв. ред. В. В. Мавродин. М., 1945. С. 62.

²⁹⁹ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 47–47 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 10.04.1901.

обязанностей; надеюсь, что с каждым днем число экзаменующихся будет возрастать»³⁰⁰.

Фаминцын и Марков, а также члены ОРЯС Веселовский, Пыпин, Ламанский и Кондаков надеялись привлечь Академию наук к участию в судьбе университетов, но встретили дружный отпор со стороны руководства Академии: президента Константина Константиновича, вице-президента Никитина и неперменного секретаря Дубровина, которые были единодушны в том, что нельзя втягивать Академию наук в обсуждение злободневных вопросов, имеющих политическую окраску.

Никитин опасался вторжения политики в академические прения, так как оно, по его мнению, могло разрушить ее основы, и Академия могла утратить свой научный характер. Никитин был убежден в том, что всегда, даже в самое тревожное время, компетенция Академии ограничивается только чистой, отвлеченной наукой, и она не имеет ни права, ни способности решать, что по условиям данного политического момента нужно и что вредно. По его глубокому убеждению, «от Академии нельзя требовать решения вопросов практической жизни и политики, и она не должна ими заниматься, в них она не более компетентна, чем любое случайное собрание трех-четырёх десятков граждан: в Академию выбирают не за политическую мудрость, а за ученые работы, по большей части ничего общего с политикой не имеющие»³⁰¹. Как показало время, провозглашение аполитичности в течение длительного времени помогало сохранить Академии свою независимость. Как бывшему ректору Петербургского университета, Никитину лучше, чем кому бы то ни было другому, было известно, что в результате студенческих выступлений больше всего страдало дело просвещения, не совместимое с политической борьбой, за какое бы правое дело она ни велась.

Принципиальная позиция Никитина относительно задач академических прений и его отношение к некоторым вопросам, не подлежащим, по его мнению, обсуждению в Академии, были хорошо известны его коллегам. Когда Никитин вместо президента вел академические собрания, он проявлял полное доверие к своим товарищам и не впадал в формализм, считая его противным духу академических собраний. В тех случаях, когда дело касалось так называемых «запрещенных» тем, председатель решительно пресекал их обсуждение. Коллеги уважали своего председателя прежде всего за его резкую беспристрастность³⁰², причем в случае разногласий их

---

³⁰⁰ Там же. Л. 49 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 11.04.1901.

³⁰¹ Там же. Д. 29. Л. 73–73 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 2.11.1907.

³⁰² Там же. Ф. 36. Оп. 2. Д. 46. Л. 11. Письмо С. Ф. Ольденбурга П. В. Никитину от 31.07.1915.

личные отношения к Никитину сохраняли миролюбивый характер и даже со стороны протестантов — дружественный³⁰³.

На заседании ФМО 14 марта 1901 г. Фаминцын «сделал нападение» на деятельность Сони́на как попечителя С.-Петербургского округа и попытался возбудить вопрос «о недостойном звания академика образе действий Сони́на, который не погнушался принять на себя и освятить именем академика обязанности председателя „особого совещания“, карателя свободной мысли и горячего чувства молодежи»³⁰⁴. Возмущение Фаминцына вызывало то, что все свои циркуляры и обращения к молодежи Сонин подписывал не только как попечитель округа, но и как академик. Никитин пресек это выступление Фаминцына, и его заявление не было включено в протокол заседания³⁰⁵.

Эта история имела неприятное продолжение. Студенты университета раздобыли текст выступления Фаминцына, размножили его на гектографе и распространили его как прокламацию. Скандальное заявление Фаминцына попало в левую печать: газета «Искра», издававшаяся за рубежом, в апреле 1901 г. (№ 3) в хронике общественных протестов писала: «Поздравляем петербургского попечителя, академика Сони́на, с публично полученной пощечиной. Можно желать только успеха попыткам действовать на зарвавшихся опричников самодержавия выражением общественного презрения»³⁰⁶. 5 мая 1901 г. президент Академии сделал Фаминцыну выговор за нарушение этики и академических традиций.

---

³⁰³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 27. Л. 83 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 6.11.1905.

³⁰⁴ Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 63. Л. 36–37. Записка А. А. Фаминцына, не дочитанная на заседании ФМО 14 марта 1901 г.

³⁰⁵ «Марков отказался подписать протокол этого заседания, потому что в нем не было упомянуто заявление Фаминцына. Федор Александрович (Бредихин) в пылу спора воскликнул: „нельзя же заносить в академический протокол всякую ерунду!“ Фаминцын закричал тогда: „Я требую, чтобы Вы взяли эти Ваши слова назад“. Пока мы спорили, служитель подносил протокол членам к подписанию. Когда Дубровин спросил: „Как же теперь быть с протоколом?“ Голицын отвечал: „Дело уже решено: большинством членов протокол подписан и следовательно принят“. Против этого не возражали. Заседание продолжалось в обычном порядке и довольно благодушном настроении»: Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 50 об.–51.

³⁰⁶ См. об этом: *Строгонов Б. П.* Андрей Сергеевич Фаминцын. М., Наука, 1996. С. 100–102.